

ФЁДОР ГЛИНКА

ОЧЕРКИ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ

«Очерки Бородинского сражения» — произведение русского поэта, писателя и публициста Федора Николаевича Глинки (1786–1880).***

Это воспоминания о крупнейшей битве Франко-Российской войны 1812 года, в которой поэт принимал непосредственное участие. Другими известными произведениями Федора Глинки являются «Дева карельских лесов», «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой», «Стихотворения», «Иов», «Вельзен, или освобожденная Голландия», «Письма русского офицера», «Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия», сборник «Проза». Федор Николаевич Глинка был не только литератором, но еще и офицером и общественным деятелем, участвовал в движении декабристов. Его богатый боевой и жизненный опыт отобразился в его творчестве.

Федор Николаевич Глинка
ОЧЕРКИ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ
(Воспоминания о 1812 году)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БОРОДИНО

Смоленск сгорел, Смоленск уступлен неприятелю. Русские сразились еще на Волутиной горе и потом отступали, как парфы, поражая своих преследователей. Это отступление в течение 17 дней сопровождалось непрерывными боями. Не было ни одного, хотя немного выгодного места, переправы, оврага, леса, которого не ознаменовали боем. Часто такие бои, завязываясь нечаянно, продолжались по целым часам. И между тем как войско дралось, народ перекочевывал все далее в глубь России. Россия сжималась, сосредоточивалась, дралась и горела. Грустно было смотреть на наши дни, окуренные дымом, на наши ночи, окрашенные заревом пожаров. С каждым днем и для самых отдаленных мест от полей битв более и более ощутительно становилось присутствие чего-то чуждого, чего-то постороннего, не нашего. И по мере, как этот чуждый неприязненный быт в виде страшной занозы вдвигался в здоровое тело России, части, до того спокойные, воспалялись, вывихнутые члены болели и все становилось не на своем месте. Чем далее вторгались силы неприятельские, тем сообщения внутренние делались длиннее, города разъединенные; ибо надлежало производить огромные объезды, чтобы не попасть в руки неприятелю: от этого торговля теряла свое общее направление, промышленность становилась местною, стесненною, ход ежедневных занятий и дела гражданской жизни цепенели. Во многих присутственных местах закрыты были двери. Одни только церкви во все часы дня и ночи стояли отворены и полны народом, который молился, плакал и вооружался. Около этого времени сделалось известным ответное письмо митрополита Платона императору Александру. Копии с него долго ходили по рукам. Любопытно заметить, что первосвященник наш, проникнутый, без сомнения, вдохновением свыше, почти предрек судьбу Наполеона и полчищ его еще прежде перехода неприятельского за Днепр. Он писал: «Покусится враг простереть оружие свое за Днепр, и этот фараон погрязнет здесь с полчищем своим, яко в Чермном море. Он пришел к берегам Двины и Днепра провести третью новую реку: реку крови человеческой!» И в самом деле, кровь и пожары дымились на длинном пути вторжения. Французы, в полном смысле, шли по пеплу наших сел, которых жители исчезали пред ними, как тени ночные. Обозы, длинные, пестрые, напоминавшие восточные караваны, избирали для себя пути, параллельные большой столбовой дороге, и тянулись часто в виду обеих армий. Дорогобуж, Вязьма и Гжать уступлены без боя. Если огни в полях, курение дыма и шум от шествия ратей недостаточны были навевать на людей той години важные и таинственные мысли о временах апокалипсических, то всеобщее переставление лиц и вещей — переставление гражданского мира — должно было непременно к тому способствовать. Неаполь, Италия и Польша очутились среди России! Люди, которых колыбель освещалась заревом Везувия, которые читали великую судьбу Рима на древних его развалинах, и, наконец, более сродственные нам люди с берегов Вислы, Варты и Немана шли, тянулись по нашей столбовой дороге в Москву, ночевали в наших русских избах, грелись нашими объемистыми русскими печами, из которых так искусно и проворно умели делать камин для Наполеона, превращая избу, часто курную, в кабинет императорский, наскоро прибранный. И в этом кабинете, у этого скорodelьного камина (особливо в эпоху возвратного пути из Москвы) сиживал он, предводитель народов, с видом спокойным, но с челом поникшим, упершись концами ног в испод камина, в шубе, покрытой зеленым бархатом, подбитой соболем. Так сиживал он перед красным огнем из березовых и смольчатых русских дров, этот незванный гость, скрестя руки на грудь, без дела, но не без дум! Стальные роши штыков вырастали около места его постоя, рати облегал бивак императорский, и рати мыслей громоздились в голове его! Было время, когда князь Экмюльский помещался в селе Покровском: какое стечение имен Экмюля с Покровским! — Всеобщее перемещение мест, сближение отдаленностей не показывало ли какого-то смешения языков, какого-то особенного времени.

Солдаты наши желали, просили боя! Подходя к Смоленску, они кричали: «Мы видим бороды наших отцов! пора драться!» Узнав о счастливом соединении всех корпусов, они объяснялись по-своему: вытягивая руку и разгибая ладонь с разделенными пальцами, «прежде мы были так! (т. е. корпуса в армии, как пальцы на руке, были разделены) теперь мы, — говорили они, сжимая пальцы и свертывая ладонь в кулак, — вот так! так пора же (замахиваясь дюжим кулаком), так пора же дать французу раза: вот этак!» — Это сравнение разных эпох нашей армии с распростертою рукою и свернутым кулаком было очень по-русски, по крайней мере очень по-солдатски и весьма у места.

Мудрая воздержность Барклая-де-Толли не могла быть оценена в то время. Его война отступательная была, собственно, — война завлекательная. Но общий голос армии требовал иного. Этот голос,

мужественный, громкий, встретился с другим, еще более громким, более возвышенным, с голосом России. Народ видел наши войска, стройные, могучие, видел вооружение огромное, государя твердого, готового всем жертвовать за целость, за честь своей империи, видел все это — и втайне чувствовал, что (хотя было все) недоставало еще кого-то — недоставало полководца русского. Зато переезд Кутузова из С.-Петербурга к армии походил на какое-то торжественное шествие. Предания того времени передают нам великую пиитическую повесть о беспредельном сочувствии, пробужденном в народе высочайшим назначением Михаила Ларионовича в звание главноначальствующего армии. Жители городов, оставляя все дела расчета и торгова, выходили на большую дорогу, где мчалась безостановочно почтовая карета, которой все малейшие приметы заранее известны были всякому. Почетнейшие граждане выносили хлеб-соль; духовенство напутствовало предводителя армий молитвами; окольные монастыри высылали к нему на дорогу иноков с иконами и благословениями от святых угодников; а народ, не находя другого средства к выражению своих простых душевных порывов, прибегал к старому, радушному обычаю — отпрягал лошадей и вез карету на себе. Жители деревень, оставляя сельские работы (ибо это была пора косы и серпа), сторожили так же под дорогою, чтобы взглянуть, поклониться и в избытке усердия поцеловать горячий след, оставленный колесом путешественника. Самовидцы рассказывали мне, что матери издалека бежали с грудными младенцами, становились на колени и, между тем как старцы кланялись седыми головами в землю, они с безотчетным воплем подымали младенцев своих вверх, как будто поручая их защите верховного воеводы! С такою огромною в него верою, окруженный славою прежних походов, прибыл Кутузов к армии. После этого несколько не удивительно, что начетчики церковных книг и грамотей, особливо в низшем слое народа, делали различные применения к обстоятельствам того времени, переводили буквы имени Наполеона в цифры и выводили заключения, утешительные для России. Иногда следствием их выкладок, довольно затейливых, бывали слова: «Солнце познает запад свой!» Это относили к народам нашествия и Наполеону; иногда делали толкования на слова: «В те дни восстанет князь Михаил и ополчится за людей своих! (на Гога и Магога) и проч.». Можете вообразить, какую народность, какую огромную нравственную силу давало все это в то время новому главнокомандующему! Зато, как приехал (под Царево-Займище), тотчас обещал он сражение. Все ожило и жило этим великим обетом; и, наконец, 22 августа занята знаменитая позиция Бородинская. Мы опишем ее.

Наша боевая линия стала на правом берегу Колочи, лицом к Колоцкому монастырю, к стороне Смоленска; правым крылом к Москве-реке, которая в виде ленты извивается у подножия высот бородинских. Перед лицевою стороною (перед фронтом) линии, особенно перед фронтом центра и правым крылом, бежала речка Колоча в реку Москву, составляя с нею угол в полуверсте от высот бородинских. В Колочу впадают: речка Войня, ручьи — Стонец, Огник и другие безыменные. Все эти речки и ручьи имеют берега довольно высокие, и если прибавить к тому много рытвин, оврагов, по большей части лесистых, и разных весенних обрывов, промоин, то понятно будет, отчего позиция бородинская на подробном плане ее кажется бугристою, разрезанною, изрытою. Леса обложили края, частые кустарники и перелески шершавятся по всему лицевому протяжению, и две больших (старая и новая Московские) дороги перерезают позицию, как два обруча, по направлению от Смоленска к Москве. Дорога Смоленская была так же дорога во Францию, по которой пришла к нам вооруженная Европа, как будто сдвинувшись с вековых оснований своих.

Сказав, что высоты правого русского фланга были лесистые, мы добавим, что они были и утесистые, а потому и составляли оборону прочную. Левое крыло наше также довольно щедро защищено природою, если принять в этом смысле общее протяжение высот бородинских, на которых простиралось оно, впоследствии загнутое до деревни Семеновской. Впереди этого (левого) крыла тянулись и перепутывались глубокие рвы и овраги, опушенные и закрытые частыми кустарниками. Сверх того позиция русская, как мы сказали, прикрыта была: Колочею, Войнею, Огником и ручьями Стонцем и Семеновским.

Искусство поспешило придать то, чего недодала природа для защиты линии. Густой лес на правом фланге, сходявший с вершин до подножия холмов к стороне реки Москвы, был осмотрен, занят, перегорожен засеками и по местам вооружен укреплениями. В этом лесу сделаны три флешы. На лесистое и утесистое местоположение правого фланга можно было опереться надежно. В центре отличался высокий кругляк, может быть, древний насыпной курган. Через него перегибается большая Смоленская (в Москву) дорога. Это округленное возвышение носит название Горки и находится в деревне того же имени. На этом-то кругляке устроили батарею из пушек огромного калибра и заслонили ее еще другою, более скрытою, из 12 пушек, которую поставили в 200 сажнях насупротив Бородина, на расклоне высот правого берега Колочи. Идя с правого крыла к левому, вдоль по линии, в середине расстояния от Горок к Семеновскому, вы встретите высокий бугор, далеко повелевающий окрестностями. Этот бугор пришелся на самой важной точке, почти у замка левого крыла с центром. Этим воспользовались, и высота, господствовавшая над другими, увенчана большим окопом с бастионами. Иные называли его большим редутом, другие, и, кажется, правильное, люнетом. Но солдаты между собою называли это укрепление Раевскою батареею, потому, что корпус его был пристроен к этому люнету и потому, что они любили храброго генерала, о котором так много было рассказов

в то время! Из уст в уста переходила повесть о подвиге его под Дашковкою, как он, взяв двух, еще незрелых сыновей за руки, повел их знакомить с пулями — туда, где всех троих с головы до ног окатило свинцовым дождем!

По всему видно стало, что неприятель направит сильнейшие нападения свои на наше левое крыло: для того-то и обратили все внимание на эту часть линии.

У деревни Семеновской нашлась также выгодная высота; на расклоне ее построили три реданта: их называли и флешами. Эти окопы должны были обстреливать окрестное пространство и поддерживать войска, которые, в свою очередь, поддерживали стрелков, насыпанных в лесах и перелесках перед фронтом и левым крылом нашей линии. Деревня Семеновская впоследствии разорена. Так устроена, вооружена была наша боевая линия в трех основных пунктах своих. Но кипящая отвага, с которою французы привыкли кидаться вперед в их порывистых наступках, требовала еще большей предусмотрительности, большей осторожности. Чтоб удержать неприятеля в почтительном расстоянии от нашего левого крыла, куда он нацеливал все удары, насыпали большой редут на большом и высоком холме, почти на два пушечных выстрела впереди главной линии к левой ее оконечности. Этот редут, стоявший исполином на отводной страже, устроен был сажень за ста за деревнею Шевардино и назывался Шевардинским. Если пожелаете объяснить себе сделанное здесь описание взглядом на плане, то прежде всего отметьте карандашом село Бородино, принадлежавшее тогда гг. Давыдовым, в 10 верстах от Колоцкого монастыря, на 11-й не доходя Можайска, в 111-ти от Москвы. Теперь имеет оно счастье принадлежать порфиородному владельцу — государю цесаревичу. За Бородиным, правее от кургана Горецкого, приищите и подчеркните на большой Московской дороге селение Татариново: там была главная квартира Кутузова. Заметьте там же деревню Князьково. Окружив потом внимательным взглядом наше правое крыло, вы встретите Старое, Малое, Беззубово, Логиново, Новое, Захарьино и, наконец, в лесу, где были окопы, Маслово. Заметьте пока эти селения и перенеситесь по линии к левому нашему крылу. Здесь встретите вы (после Бородина) другую, также роковую точку, деревню Семеновскую. За нею, ближе к Татаринovu, заметите Псареву с прилежащим к нему лесом. Там стоял наш главный артиллерийский резерв. Насупротив Семеновского приметьте деревни: Алексеевку, Фомкино, Доронино и, наконец, Шевардино, знаменитое битвою за редут его имени. Левее от этой купы деревень найдете вы Валуево: тут стоял Наполеон. Деревни Ратово и Головино принадлежат к той же категории. Потом перенеситесь к Ельне, следуйте по лесной дороге и в одном месте чрез болото к деревне Утице: это путь Понятовского, остановившегося сперва при деревне Рыкачеве и оттуда следовавшего по так называемой старой Смоленской дороге, которая из Царева-Займища идет чрез Ельню в Можайск. За Можайском связываются обе дороги: старая и новая Смоленская. Туда намеревался Кутузов перевести войско, если б французы стали решительно обходить наше левое крыло. Наполеон угадывал это и хотел разбить нас там, где застал. Поэтому-то не послушался он и Даву, советовавшего послать заранее два корпуса в обход по старой Смоленской дороге. Отметки деревень, на которые я вам указал, будут вам полезны при чтении описания битвы Бородинской в составленных мною очерках.

КАРТИНА ПОЗИЦИИ

Описав позицию нашу в историческом смысле, взглянем на нее, как на картину, издали почти неподвижную, грозно воинственную, вблизи живую, движущуюся. Взглянем — разумеется, более мысленными глазами, ибо обыкновенное зрение, даже вооруженное трубою, не может обнять всей позиции; взглянем на этот город, мгновенно возникший на месте жатв и селений: его дома — шалаши из ветвей и соломы; его длинные улицы протянуты между длинными стальными заборами из ружей и штыков; его площади уставлены молчаливо-грозною артиллериею. Ночью он весь, кажется, слит из стали и огней, потому что огни биваков, повсеместно разведенные, отражаются на стволах ружей, на гранях и лезвиях штыков.

Поставьте себя на одной из высот, не входя в Бородино, где-нибудь на большой Смоленской дороге, лицом к Москве, и посмотрите, что делается за Бородиным, за Колочою, за Войнею, за этими ручьями с именем и без имени, за этими оврагами, крутизнами и ямищами. Примечаете ли вы, что поле Бородинское — теперь поле достопамятное — силится рассказать вам какую-то легенду заветную, давнее предание? О каком-то великом событии сохранило оно память в именах урочищ своих. Войня, Колоча, Огник, Стонец, не ясно ли говорят вам, что и прежде здесь люди воевали, колотились, палили и стонали? Но когда ж было это прежде? сколько столетий наслоилось над этим событием? Может быть (и вероятно), что оно современно той отдаленной эпохе, когда курганы Горецкий, Шевардинский и другие, встречаемые в каком-то симметрическом порядке в этих Окрестностях, были холмами священными, на которых совершались тризны. Народы, утомленные видом зачахшей гражданственности..., ведомые тайным влечением судьбы, покорно следовали за путеводною звездою и текли с дальнего Востока — колыбели рода человеческого — с семенами жизни на девственную почву нашего севера, тогда еще пустынного, задернутого завесою неизвестности. На

путях их великого шествия остались городища и курганы, на которых возжигали огни и сожигали жертвы. Но когда ж все это было? Человек моложе истории, история моложе событий этого разряда!

Обратимся к нашей позиции. Прежде всего встретите вы большой, высокий кругляк, называемый Горкою. С этого кругляка — кургана Горецкого — одного из роковых холмов бородинских, вся позиция видна как на ладони! Наша линия шла справа от села Нового за деревню Семеновское. Позиция неприятельская тянулась от села Беззубова за Шевардино. На этом кургане, о котором мы начали говорить, вы видите — мелькает деревенька Горки, удостоившаяся даже на несколько часов быть главной квартирой армии и самого Кутузова. Но вы скоро ее не увидите: война все сносит и перемещает. Вот уже взвозят на курган артиллерию: это не так легко, потому что здесь стараются сосредоточить орудия огромного калибра. По мере, как военный быт покрывает своими принадлежностями высоту Горки, солдаты, вы видите, раскрывают крестьянские лачуги и растаскивают бревна. Это точно работа муравьев! Толпа разномундирных кишит, шевелится, торопится; всякий унес, что попало, и деревни не стало! Все пошло в огонь на биваки.

Я забыл сказать, что вы приглашены посмотреть на нашу бородинскую позицию 23 августа. Но ее заняли 22-го. Точно так! Я расскажу вам об этом дне. 22 августа 1812 года армия русская увидела высоты бородинские, и много голосов раздалось в войске: «Здесь остановимся! Здесь будем драться!» Заключение неошибочное! Оно внушено видом высот и стечением речек, ручьев и оврагов у подножия цепи возвышенностей. Тогда же промчалась молва в войске, что Кутузов нарочно посылал вперед Бенигсена отыскать крепкое место, где бы можно было стать и отстоять Москву. Бенигсен, как говорили, избрал Бородино, и Кутузов остался доволен его выбором. Около 10 часов утра (22 августа) передовые полки и на челе их¹ Михаил Ларионович с своим штабом прошли Бородино, приостановились на минуту в деревеньке Горки, и главный штаб пошел далее. На большой Московской дороге есть сельцо Татариново. Там стоял уже пустырем сельский господский дом: там поместили Кутузова; Барклай, Бенигсен, принц Виртембергский и другие генералы, люди, имевшие поместья и палаты, разместились в окружающих деревеньках и домах, кто как смог, кому где случилось.

Генерал Бенигсен и полковник Толь, большой знаток своего дела, тотчас пустились помогать природе искусством, укреплять позицию. По доверенности, которою пользовался от высшего начальства и по внутреннему своему достоинству, полковник Толь был далеко выше своего чина. В то время, о котором мы говорим, он пользовался двумя славами: славою храброго офицера и ученого военного человека.

23-го, на другой день, пришло из Москвы 12000 московского ополчения. Их привел граф Марков. На этом войске было две коренных принадлежности Руси: борода и серый кафтан; третья и важнейшая принадлежность Руси христианской был крест. Он блистал на шапке ратников. С офицерами пришли русские кибитки, повозки и роспуски с колокольчиками, заводские лошади, крепостные слуги. В другое время можно бы подумать, что это помещики, съехавшиеся дружною толпою, с конюхами и доезжачими, в отъезжее поле на дальнее полеванье. Но тут предстояло другого рода поле! Отпустив далее в глубь России жен и детей, сестер и невест, дворянство русское, покинув дедовские поместья и собрав своих домочадцев, село на коней и выехало в поле, которое должно было сделаться полем крови, жатвою смерти! <...>

Любовь к отечеству... вызвала мирных поселян на священное ратование. Нельзя было смотреть без чувства на такой избыток доброй воли. Появление этих войск перенесло нас далеко в старые годы. Один офицер, которого записки остались ненапечатанными, говорит: «Казалось, что царь Алексей Михайлович прислал нам в секурс свое войско!» В числе молодых людей, воспитанников Московского университета, чиновников присутственных мест и дворян, детей первых сановников России, пришел в стан русских воинов молодой певец, который спел нам песнь, песнь великую, святую, песнь, которая с быстротою струи электрической перелетала из уст в уста, из сердца в сердце; песнь, которую лелеяли, которою так тешились, любовались, гордились люди XII года! Этот певец в стане русских был наш Кернер, В. А. Жуковский. Кто не знает его песни, в которой отразилась высокая поэзия Бородинского поля?» Но обратимся к обозрению нашей позиции. Помните, что мы смотрим на нее 23-го августа 1812 года.

ВИД ПОЗИЦИИ (23 АВГУСТА)

Видите ли вы правый фланг нашей армии? Как он высоко поднят над долиною! Цепь холмов служит ему основанием. Частый лес в виде зеленого ковра накинут на эти холмы и свешивается вниз до самого их подножия, где серебрится Москва. Этот лес, перегородженный засеками, таит в себе укрепления. Высок и крут наш правый берег, и везде, до деревушки Горки, повелевает противным, принизистым. Фронт наш прикрыт (если можно это счесть за прикрытие) речкою Колочею. Но мы, по какому-то предчувствию, любопытствуем обозреть скорее левое крыло. Видите ли вы эту массу дерев, которые огромным зеленым султаном

¹ Здесь: во главе. (Прим. ред.)

колышатся за нашим левым флангом? Это густой лес, торчащий на рассеянных холмах и спускающийся в низину. Под тенью этого леса виднеются, в правильных линиях, еще свежие насыпи: это вырастающие ретраншементы!

В середине нашей боевой линии заметны и важны два пункта: Горки и деревня Семеновская. Между ними тянется отлогая высота с легким скатом к речке Колоче. Видите ли, как начинают рисоваться бастионы на гребне этой высоты? Это большой люнет (батарея Раевского), оспариваемый с такою славою. Вот и еще окопы! За ручьем, перед деревнею Семеновскою, уже выросли из земли укрепления, наскоро сработанные: это три реданта (или флешы). Защита их поручена графу Воронцову с его сводными гренадерами и 27-й дивизией. Знатоки находят недостатки в этих скороспелых окопах; находят, что они открывают тыл свой французским атакам от ручья и слишком подвержены сосредоточенному огню неприятельской артиллерии с окольных высот. Но стойкая русская храбрость все дополнит, исправит! Следуя глазами за протяжением главной линии к левой стороне, вы упираетесь на левом фланге в болото, покрытое частым лесом. Тут расположена деревня Утица. Через нее, от села Ельни, идет на Можайск старая Смоленская дорога, уже давно оставленная.

После взгляда на позицию, как она была 23-го августа, вам понятнее будет рассказ о событиях этого дня. 23-го августа французы сделали сильное движение вперед, с места своего расположения от почтовой станции Гриднева. Впереди конницы неприятельской, еще многочисленной, грозной, блестящей, на статном крутом коне, рисовался лучший наездник французской армии. По наряду его, живописно-фантастическому, узнавали в нем короля Неаполитанского. Глубокий ров за станцией Гриднево приостановил его на минуту. За этим рвом стоял сильный арьергард русский. Для совершенной противоположности щегольскому наряду Мюрата, разъезжал за оврагом перед рядами русских, на скромной лошадке, скромный военачальник. На нем была простая серая шинель, довольно истертая, небрежно подпоясанная шарфом, а из-под форменной шляпы виднелся спальный колпак. Его лицо спокойное и лета, давно преступившие за черту средних, показывали человека холодного. Но под эту мнимую холодность таилось много жизни и теплоты. Много было храбрости под истертой серою шинелью и ума, ума здорового, дельного, распорядительного — под запыленным спальным колпаком. Это был генерал Коновницын, истый представитель тех коренных русских, которые с виду кажутся простаками, а на деле являются героями. Тут (за Гридневым) завязался сильный бой. С обеих сторон дрались превосходно. Удержанные с фронта, французы пролились рекою влево. Мюрат далеко объехал наш правый фланг и думал торжествовать победу. Уже фантастические одежды его развевались у нас в тылу; но генерал в колпаке смотрел на это как на шалость запальчивого наездника и не смутился нимало. Наши загнули фланг, немного отступили и выстояли спокойно. Ночь развязала драку. Пользуясь темнотою, Коновницын отвел свои войска к стенам Колоцкого монастыря, а французы засветили огни там же, где были: Наполеон у Гриднева, Мюрат в Лососне.

24 АВГУСТА

Армия готовилась к бою. Главнокомандующий переехал (ближе к линии) в Горки, День был прекрасный, и с десяти часов утра на ясной дали закудрявились легкие облака дыма и послышалась канонада, которая все более и более приближалась. Французы, сделав большое движение вперед, подошли под Колоцкий. Коновницын их встретил. Было уже около 4 часов пополудни. Схватились горячо, боролись ровно. Храбро рубились изюмцы и вконец изрубили три неприятельских эскадрона. Но бой не мог долее продолжаться в этом положении. Дело шло не о простой авангардной ошибке. Тут были виды высшей тактики. Вице-король обходил наш правый фланг. Король напирал с лица, вице-король вился с фланга, французы то рекою по большой дороге, то отдельными ручьями, просачиваясь между пригорками и частыми перелесками, лились влево за большую дорогою к подножию высот бородинских. Коновницыну нельзя было оставаться долее на поле. Он прислонил свои войска к защитами Бородинским и ввел их в линию.

ПРИБЛИЖЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ К БОРОДИНУ

С вершин укрепленных и неукрепленных высот бородинских солдаты как простые зрители (я говорю о правом крыле, где сам находился) и офицеры увидели наконец приближение всей французской армии. Три огромных клуба пыли, пронзенные лучами склонявшегося солнца, светлели в воздухе, три стальных реки текли почти в ровном между собою расстоянии. На полянах пестрели люди; над перелесками, немного превышавшими рост человека, сверкала железная щетина штыков. Русское солнце играло на гранях иноземной стали. Все это шло скоро, но мерно. Три линии изредка и только слегка изламывались, уступая неровностям местоположения. Одна артиллерия, казалось, своевольно разгуливала. Пушки переезжали то вправо, то влево, избирая для себя удобнейшие пути и дороги. Французы подступали к Бородину тремя колоннами. Понятовский, с своими поляками, тянулся вправо по старой Смоленской дороге на Ельню;

Наполеон — посредине, прямо на Бородино: за ним следовала большая часть армии; вице-король италийский держал левее от большой дороги, к деревне Большим Садам. Когда все силы неприятельской армии выяснились, заревел редут Шевардинский, ожили овраги и кустарники на правом берегу Колочи и пули засновали с свистом в уровень человека, ядра и гранаты стали описывать дуги над головами наступающей армии. Это русское укрепление, это русские стрелки, которыми насыпаны были перелески и деревни Алексинки, Фомкино и Доронино; это они встретили неприятеля, тянувшегося по большой дороге.

С прискорбием видя напрасную потерю людей, Наполеон приказал Мюрату перейти с конницею Колочу и присоединить к себе дивизию Кампана из 1 корпуса. Этим войскам предоставлена была участь редута Шевардинского. Дивизия Кампана еще наперед (в 2 часа пополудни) захватила деревню Фомкино и теперь, по первому знаку, живо пошла по направлению к редуту.

Князь Горчаков приготовился встретить напор первого наступа. Он расставил полки 27-й дивизии позади редута, растянув их в линию. Фланги этой линии прикрыты: правый драгунами и конною артиллериею, левый кирасирскою дивизиею в сгущенных полковых колоннах. При этих массах кирасир было немного гусар и несколько орудий конной артиллерии. На самом же Шевардинском редуте поставлены пушки большого калибра для выстрелов дальних. В Доронине, в лесах и кустарниках, наполняющих окрестность до самой дороги в Ельню, сидели стрелки, подкрепляемые легкою конницею. В таком виде были дела с обеих сторон. Но пока начнется знаменитый штурм редута Шевардинского, я опишу одну замечательную сцену.

Перед центром правого крыла большой русской линии, у подножия вооруженных высот, немного левее (если смотреть от Москвы) от села Бородина разъезжал кто-то на маленькой бодрой лошадке (небольшом гнедом клепере); из-под фуражки его, сплюснутой на голове, выливались пряди белых волос. Шарф повешен по-старинному, чрез плечо, на мундирном сюртуке. Ездок был среднего роста, построение тела имел коренное русское: он был дюж, широк в плечах и в это время довольно дороден, особенно в ногах заметен был какой-то отек. За ним ездили два донца, из которых один возил скамеечку. Прибежав дробною рысью на то место, которое мы указали, генерал (это показывали его эполеты), вероятно, только что окончивший объезд линий, потому что клепер его еще дымился, этот генерал начал сходить с лошади. С каким-то болезненным усилием ступил он сперва на скамеечку, которую проворно подставил ему донец, потом на ней же уселся лицом к Шевардину. Солнце, склонявшееся на вторую половину пути, обдало его своими лучами, и я увидел Михаила Ларионовича Кутузова, нашего нового главнокомандующего. Правый глаз его был несколько прищурен. Всматриваясь внимательнее, вы бы легко заметили, что в нем уже погасла живая точка света. Это следствие раны ужасной, неслыханной, о которой, в свое время, говорили все врачи Европы. Турецкая пуля, ударив близ виска, искосила ось глазную и оставила генерала (одного из прозорливейших полководцев) полузрячим... Говоря о нравственных его свойствах, должно сознаться, что он имел обширный ум и отличное образование. Будучи, в одно время, директором 1-го кадетского корпуса и присутствуя на экзамене, он развил такое богатство разнообразных познаний, что все профессора и учителя пришли в изумление. В кругу своих он был веселонравен, шутлив, даже при самых затруднительных обстоятельствах. К числу прочих талантов его неоспоримо принадлежало искусство говорить. Он рассказывал с таким пленительным мастерством, особенно оживленный присутствием прекрасного пола, что слушатели всякий раз между собою говорили: «можно ли быть любезнее его?» Зная это, я часто всматривался в лицо его, отыскивая которая бы из черт этого лица могла оправдывать всеобщую молву (распущенную великим Суворовым), молву о его необыкновенной хитрости. Но посмотрим теперь на него, сидящего на поле Бородинском. Он все еще сидел на своей скамеечке с нагайкою в правой руке, то помахивая ею, то концом ее чертя что-то на песке, а между тем дума полная, высокая сияла на лице его. Если б не легкое механическое движение правой руки, его можно бы почесть за изваяние из бронзы: так был он неподвижен, так углублен в свои мысли, лучше сказать, в одну мысль. Бой, начатый передовыми стрелками левого крыла, притих. С минуту продолжалось молчание по всей линии. Вдруг вздохнуло опять на левом крыле, и этот вздох огласил окрестности. Еще... еще... и все зарокотало... Это началась тяжба за редут Шевардинский; адвокаты с обеих сторон говорили свои гремящие речи и менялись доказательствами. Кутузов сделался весь внимание. Я видел, как он протягивал вперед голову и вслушивался, вслушивался, иногда наклоняя левое ухо к земле, как будто желая угадать — подается пальба или отступает. Но вот во всю конскую прыть прискакал адъютант, сказал слово о Багратионе, другое о французах, и Михаил Ларионович, вспрыгнув с места с легкостью молодого человека, закричал: «Лошадь!» — сел, почти не опираясь на скамеечку, и, пока подбирал поводья, уже мчался вдоль по линии на левое крыло. Скоро огромный клуб свившегося над окрестностию дыма поглотил главнокомандующего с его великою думою, в которой развивались уже семена предстоящего сражения. Солдаты-зрители, стоявшие группами на скате вершин, говорили: «Вот сам Кутузов поехал на левое крыло!»

ВЗЯТИЕ РЕДУТА

Сначала наступавшие и оборонители разменивались только дальними выстрелами. Но в 4 часа за полдень дивизия Кампана, подкрепясь конницею, кинулась на Доронино и в лес, его окружавший. В это же время и Понятовский, как будто заводя крыло невода справа, выказался с своими из деревни Ельни, вспугнул рой стрелков наших и погнал их, тесня своим наступом из леса в лес, из перелеска в перелесок, отбрасывая все пешее на русскую конницу, которая на первых порах сильно поддержала товарищей. Полковник Эмануэль (впоследствии славный генерал) два раза с Киевским драгунским полком налетал на поляков, когда они выказывались из-за кустарников, и Новороссийский полк ходил славно в атаку. Полковник князь Кудашев с кирасирами (синие и желтые воротники) сделал также две блистательных атаки и отбил у французов шесть пушек.

Но все эти великодушные усилия не могли устоять и не устояли против превосходных сил наступающих. Генерал Кампан стал, наконец, в виду редута, который грозно рисовался в вечернем воздухе. Он выслал 61-й полк с приказанием: взять редут штурмом! Полк двинулся батальонными колоннами под покровительством своей огромной батареи, при жестоком огне передовых стрелков, которые, захватив ближнее возвышение, палили прямо в амбразуры нашего укрепления. Русские с высоты редута увидели сперва вдалеке три черных точки. Эти точки, головы колонн, близились, близились и росли; наконец они стали в прямую линию. Ясно различили три колонны, и первая, удвоив шаг, пошла на редут. Редут замолчал; но орудия нацелены, ружья наклонены, и дула уставлены прямо в глаза наступающим.

Французы идут, подходят, всходят и почти сталкиваются с нацеленными в них дулами. Вспыхнул залп, блеснул ряд молний, не стало передних... задние взошли на редут.

Но не успел еще рассеяться дым, как русские явились на новый спор. Штык и отвага показали чудеса, но превосходство взяло верх. Редут оставался за французами.

Уже было 8 часов вечера. Полуосенние сумерки сизели на поле, по низинам закурились белые туманы, и красные вспышки огнестрельных орудий сверкали в полусумраке, как огни потешные. В это время князь Багратион, схватя вторую гренадерскую дивизию, выехал сам на бой и велел отнять редут. Две неприятельские колонны хотели обойти гренадер, но жестоко смяты Малороссийскими и Глуховскими кирасирами, которые отняли у них пушки. С другой стороны Харьковские и Черниговские драгуны также изрубили две атакующие колонны. При этих удачах гренадеры вбежали на редут и искололи целый батальон 61-го полка. Но Кутузов, зная, что надобно делать, велел покинуть редут неприятеля. Тогда было уже 10 часов вечера.

25 АВГУСТА

Армия французская, до сих пор подвижная, переходная, начала устанавливаться на прочную стоянку. По всему, и по самому расположению войск, можно было предчувствовать, предугадать, а наконец решительно заключить, что главное нападение произведено будет правым французским на левое крыло наше. И вот как установилась французская армия: а) король Неаполитанский с своими четырьмя корпусами (масса ужасная!) кавалерии стал в перелеске по правую сторону (глядя к Москве) оставленного (т. е. Шевардинского) редута. б) Дивизии Кампана, Десекса и Фрияна из корпуса Давуста, расположенные при деревнях: Фомкино, Алексинке и Доронине, на том самом поле, где дрались накануне. в) Дивизии Жерара и Морана, из Давустова же корпуса, остались на левом берегу Колочи перед деревнею Валуево. г) Вице-король Италиянский (образовавший с своими левый фланг французской армии) с италийскою гвардиею) и дивизиями Дельзона и Бруссье да с кавалериею генерала Гиона установился слева от большой дороги, лицом к лицу с селом Бородиным, имея свою кавалерию за ручьем Войнею. Третья часть войск французских (corps de bataille)² расположилась так:

а) Императорская гвардия зажгла биваки между Валуевым и Ратовым.

б) Позади этой гвардии, на большой Смоленской, или Московской, дороге, к стороне деревни Головино, расположились корпуса Нея и Жюно.

в) Князь Понятовский с своим корпусом стал за большим лесом, на правом берегу Колочи, перед деревнею Рогачево. Наполеон почтил личным квартированием своим Валуево. Целый день слегка перестреливались за воду и водопои.

² Основных сил французской армии.

ДВИЖЕНИЕ ФРАНЦУЗОВ ВПРАВО НАКАНУНЕ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ

Накануне, т. е. к вечеру 25-го, на всей французской линии последовала общая перестановка войск: полки передернуты как на шурках. С колокольни села Бородина ясно можно было видеть, как линия французская по местам то сгущалась, то разреживалась, и все густоты сливались вправо, к старой Смоленской дороге. Зрелище единственное! Поля, с которых не успели еще снять посева, облиты были слегка волновавшимся золотым морем жатвы и окрашены косвенными лучами понижавшегося солнца. Это золотое море прорезывалось стальной рекою штыков и ружей, которые зеркально сверкали на вечернем солнце. За ростом и густотой жатв людей почти не видно было. Двигалось одно железо.

Король Неаполитанский остался там же, где и был, с своими тремя корпусами. Князь Понятовский, предназначенный к обходу своего русского крыла, стал за Мюратом.

Маршал Даву, долженствовавший бить по оконечности нашего левого крыла, поставил дивизии Кампана, Десекса и Фрияна между Шевардиным и лесом, который, тянется до самой Утицы.

Маршалу Нею предоставлено было пробивать русскую линию в промежутки между левым крылом и центром. У Нея для этого был корпус свой и Жюно. Ней построился между Шевардиным и Алексинским, вытянув 3-й корпус в первой, а 8-й во второй линии.

Вице-король Италиянский с своими образовал левое французское и должен был бить правое крыло наше. При нем были корпуса: его собственный, кавалерийский Груши и дивизии Жерара и Морана из 1-го корпуса. Они назначены противустоять (contenir) центру к правому крылу русскому и составлять левое крыло армии французской. Все эти силы расположились было на левом берегу Колочи.

Русские боялись за свое, а французы за свое левое крыло. И те и другие прикрылись окопами. По расчетам тактики и от напоров правого французского крыла, левое русское несколько загнулось и тем усилилось. Дивизия Морана, а за нею Жерара расположились на большой дороге. Груши стал сзади. Левее и самой дивизии Жерара поставлена дивизия Бруссье, за нею италиянская гвардия в резерве.

Но было войско еще левее — это дивизия генерала Дельзона: она составляла последнее перо левого французского крыла. Ее подкрепляла дивизия легкой кавалерии Орнано.

Гвардия Наполеонова тоже перешла Колочу и стала правее Фомкина.

РАСПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ

Усиление правого французского крыла заставило усилить левое русское, которое легко могло быть обойдено по старой Смоленской дороге. Кутузов распорядился: на левом крыле у нас поставлен стойкий Тучков с его отдельным корпусом и 7000 Московского (приведенного Марковым) ополчения. Туда же наряжен Карпов с шестью полками донцов.

Тучков построил свой корпус за деревню Утицею в четыре линии. Дивизия Коновницына стояла в двух первых; дивизия гренадерская (графа Строганова) в двух задних.

Сильная цепь из 20-го, 21-го, 11-го и 41-го егерских полков, протянутая по перелескам, запирала ворота (промежуток шириною с версту) между корпусом Тучкова и левым концом главной позиции.

На этом левом конце была деревня Семеновское. Перед нею, как мы видели, насыпаны реданты. Этот пункт защищали сводные гренандеры графа Воронцова, и за ними, во 2-й линии, стояла дивизия храброго Неверовского.

Тут были четыре стены. Гренадеры принца Карла Мекленбургского поставлены в две линии от края Семеновского до самой большой батареи. Этих гренандер поддерживала кавалерия в две линии. Потом корпус графа Сиверса.

И вся эта левая половина, состоя из второй западной армии, была под главным начальством Багратиона.

Центр наш составлен из корпуса генерала Дохтурова. Он стоял против самого Бородина, примыкая своим левым к правому флангу 7-го корпуса, а правым к батарее близ Горецкого кургана, и Дохтуров стоял в две линии пехотных, которые поддерживались двумя же кавалерии (3-го кавалерийского корпуса) и составляли тоже четыре живые стены!

К правой руке Дохтурова (смотря к Смоленску) примыкал левым локтем корпус Остермана опять в две линии и лицом к Колочи. За ним, все в две линии, кавалерия Корфа; корпус Багговута составлял оконечность правого крыла русского. Этим крылом начальствовал Милорадович, а первую половиною всей линии (1-ю армию) Барклай.

1-й корпус кавалерии установлен за пехотою правого фланга армии нашей.

Тут же и Платов с 9 Донскими полками. Другие донцы рыскали по течению Колочи до слияния ее с Москвою, оберегая всю ту сторону к Старому и Малому Беззубову.

Итак, вся русская армия расположена была в четыре стены; за двумя пехоты две кавалерии.

Главный же резерв находился за центром боевой линии и состоял из целого 5-го гвардейского корпуса под начальством Лаврова. Этот резерв имел три линии: две передние пехота, задняя кирасиры.

Пять рот конной артиллерии сберегались в резерве за 4-м корпусом кавалерии. Большой резерв артиллерийский стоял перед деревнею Псарево.

ЗАЩИТА ЛИНИИ

Сильные батареи, хотя наскоро сложенные, прикрывали фронт наш, особливо левое крыло. Все егерские полки, огорожаясь, где можно, засеками, залегли по кустарникам, засели по деревьям, захватили дефилеи. Пехота наша в день битвы построилась в батальонные колонны, но кавалерия поддерживала ее развернутым строем. Главная квартира перенесена опять в Татариново.

Армии русской считалось в день битвы Бородинской до 113 500, кроме ополчений. Пушек у нас было 640. У французов же войск до 188 000 и пушек 1000.

КАНУН БОРОДИНА

Недели за три перед кануном великой битвы Бородинской сражались за обладание Смоленска. Осаждающие зажгли город. Пожар, распространяясь все более и более, охватил башни, дома, целые улицы. Наконец запылали и церкви с их колокольнями. Огненная буря, с треском и шумом, разливалась в воздухе, раскаляя его. У защитников Смоленска в тесных переулках, под длинными космами огня, не раз волосы на голове трещали; колокола звонили без звонарей и таяли. В это время огня и гибели раздался голос: «Спасайте икону Смоленской богородицы!» Этот голос скоро сделался всеобщим кличем и навел начальство на распоряжение к спасению иконы. С тех пор пресвятая владычица последовала за войском, внимая молитвам готовящихся на славную смерть или умирающих. Русские заняли обратно Смоленск, внесли икону в прежнее место, стали служить молебен, и, когда дошло до слов: «Пребысть же Мариам яко три месяцы и возвратися в дом свой», присутствовавшие перешептывались: было ровно три месяца, как икона вынесена из церкви над воротами в Смоленске и ровно через три месяца возвратилась в дом свой.

Теперь, накануне великого дня Бородинского, главнокомандующий велел пронести ее по всей линии. Это живо напоминало приуготовление к битве Куликовской. Духовенство шло в ризах, кадила дымились, свечи теплились, воздух оглашался пением, и святая икона шествовала... Сама собою, по влечению сердца, сотысячная армия падала на колени и припадала челом к земле, которую готова была упоить до сытости своею кровью. Везде творилось крестное знамение, по местам слышалось рыдание. Главнокомандующий, окруженный штабом, встретил икону и поклонился ей до земли. Когда кончилось молебствие, несколько голов поднялись кверху и послышалось: «Орел парит!» Главнокомандующий взглянул вверх, увидел плавающего в воздухе орла и тотчас обнажил свою седую голову. Ближайшие к нему закричали: ура! — и этот крик повторился всем войском.

Орел продолжал плавать; семидесятилетний вождь, принимая доброе предвестие, стоял с обнаженной головою. Это была картина единственная! Михаил Кутузов, главный повелитель всех воинских сил империи, являлся тут во всей красе военачальника. В простреленной голове его был ум, созревший в течение 70 лет; в его уме была опытность, постигшая все тайны политической жизни гражданских обществ и народов. Над ним парил орел... сто тысяч русских кричали: ура! — а судьба завтрашнего дня укладывала жребии в таинственную урну свою...

После дня, слегка пасмурного, и вечера, окропленного холодноватым дождем, после жаркой целодневной перестрелки за право пить воду в Колочи настал темный холодный вечер, настал канун битвы Бородинской. Из всех явлений 1812 года канун Бородина сохранился, конечно, у многих в памяти. Все ожидали боя решительного. Офицеры надели с вечера чистое белье; солдаты, сберегавшие про случай по белой рубашке, сделали то же. Эти приготовления были не на пир! Бледно и вяло горели огни на нашей линии, темна и сыра была с вечера ночь на 26-е августа; но ярко и роскошно чужими дровами освещал себя неприятель.

Удвоенные костры, уставленные в несколько линий, пылали до самого Колоцкого монастыря. Эти не наши огни, стоя огненными полками, сквозили сквозь чащи лесов и кустарников, румянили наше небо и бросали какой-то кровавый отблеск на окрестности ямистые, темные.

Рокот барабанов, резкие звуки труб, музыка, песни и крики несвязные (приветный клик войска Наполеону) слышались у французов. Священное молчание царствовало на нашей линии. Я слышал, как квартиргеры громко сзывали к порции: «Водку привезли; кто хочет, ребята! Ступай к чарке!» Никто не шелохнулся. По местам вырывался глубокий вздох и слышались слова: «Спасибо за честь! Не к тому изготовились: не такой завтра день!» И с этим многие старики, освещенные догорающими огнями, творили крестное знамение и приговаривали: «Мать пресвятая богородица! помоги постоять нам за землю свою!» К

утру сон пролетел над полками. Я уснул, как теперь помню, когда огни один за другим уже снимались, а заря начинала заниматься. Скоро как будто кто толкнул меня в бок. Мнимый толчок, вероятно, был произведен сотрясением воздуха. Я вскочил на ноги и чуть было не упал опять с ног от внезапного шума и грохота. В рассветном воздухе шумела буря. Ядра, раскрывая и срывая наши шалаши, визжали пролетными вихрями над головами. Гранаты лопались. В пять минут сражение было уже в полном разгаре. Многие, вскочив от сна ночного, падали в сон вечный. Взрытая выстрелами земля, включенная солома, дым и вспышки огня рябили в глазах. Это вице-король Италиянский повел свою знаменитую атаку на Бородино. Таков был канун и начало великой битвы у нас. У французов было иначе.

РЕКОГНОСЦИРОВАНИЕ

Обстоятельные обозрения линий происходили 25 числа. Кутузов уже не в первый раз объехал свою армию. Он взглянул на укрепления при деревне Семеновской и внимательно обозревал левое крыло наше. Оно уперто было в большой лес и прикрыто высокоторчащим курганом с 25 пушками. Еще на двух пригорках заброшены венцами укрепления. На центре все мосты разорены, все переправы испорчены, против известных бродов выставлены пушки. Правый фланг, как мы уже сказали, лесистый, дебристый, искрещен засеками, снабжен большими окопами. В общем объеме русские занимали все гребни высот за Колочею, в виде пространного полукруга. Главные наши вооружения были следующие: ретраншемент и флешы в лесу на правом фланге; батарея на кургане Горец-ком; другая, недалеко от этой, тоже на круглом холме, называвшаяся батареею Дохтурова, 3-й большой люнет с бастионами: его называли батареею Раевского; четыре окопа (флешы или реданты) при Семеновском.

С центральной батареей нашей смотрели в трубу и вдруг засуетились. «Это он! это он!» — закричало несколько голосов. В самом деле, вооруженный глаз мог увидеть человека, которого портрет знаком был всякому. Он выезжал из лесу, от деревни Логиновой, сам-друг с товарищем и направлялся к нашим линиям. Несколько удачных выстрелов с батареей дали почувствовать ему, что он открыт. Это был Наполеон! Рассказывая о рекогносцировках, лично им самим произведенных, мы обратимся немного назад. 24 августа, по взятии Шевардинского редута. Наполеон пожелал видеть пленных. Пленных не нашлось. Император прогневался. Генерал Коленкур (брат герцога Виченцкого) сказал при этом: «Русских скорее можно в землю втоптать, нежели в плен взять!» — «Ну, ладно! — возразил Наполеон, — так послезавтра (26 августа) мы всех их втопчем в землю».

25-го выехав, как мы уже заметили, на рекогносцировку, Наполеон въехал на высоты, где стояли войска вице-короля Италиянского. Эти высоты отделялись от Бородина только мелкою речкою Войнею. Наполеон отдал разные приказания на счет искусственного укрепления серединного пункта, на котором, как на оси, должен был совершиться великий поворот всей французской армии. Хозяйничая, как дома, Наполеон давал разные приказания и хвалил выбор места, где генерал Дантуарт поставил батарею в 60 орудий для обстреливания большого редута русского. На предложение, не лучше ли сейчас занять Бородино, император возразил живо: «Сохрани меня бог! Русские так спокойно опираются на этот пункт! Овладей им, они всполошатся, подумают, что правое крыло их в опасности, и, чего доброго, уйдут!.. А я разве для того пришел сюда из Парижа, чтоб упустить их из рук?... Завтра (26 августа) рано Дельзон двинется и займет Бородино. Это дело минуты!» По такому же расчету Наполеон не согласился и на предложение Даву, чтобы обойти русскую армию по старой Смоленской дороге. Неизвестно, вследствие ли искусной стратегической выкладки или некоторого безотчетного предчувствия, Наполеон сберег свою гвардию, без которой неизвестно чем бы кончился для него день Бородинской битвы и как бы отсиделся он в Москве опожаренной? В тот же день, но гораздо позже, обозревая еще раз русские линии (ему все не верилось, что русские принимают сражение), Наполеон остановился у дивизии Гюдена, состоявшей под командою Жерара. Долго расспрашивал он о неприятеле и, наконец убедясь, что русские от сражения не отступают, весело улыбнулся и запел песню:

От севера до юга,
Военная труба
Час битвы протрубила!

Потом пришпорил лошадь и помчался по линии. Ставка Наполеона находилась по левую сторону большой Московской дороги. Большое каре из пехоты старой гвардии окружало ее. Наполеон провел ночь — канун Бородина — беспокойно: какая-то лихорадка пробегала по жилам его. Это была лихорадка ожидания! «Какова погода?» — спросил он, пробудясь в 2 часа. «Небо выяснилось», — отвечали ему. «Ну! У нас будет день Аустерлицкий!» И скоро, сопровождаемый дежурными эскадронами, он поехал к редуту Шевардинскому. Молодая гвардия и конница гвардейская уже ожидали его там. Старая гвардия потянулась